

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СРЕДОВОГО ПОДХОДА В АРХИТЕКТУРЕ

Н.В. Багрова, М.А. Кущенко

В статье изложены результаты исследования особенностей интерпретации средового подхода в архитектуре от истоков его возникновения до наших дней.

Ключевые слова: среда, средовой подход, контекст, контекстуализм, феноменология, постмодернизм.

На протяжении не менее чем пятидесяти последних лет подход к архитектурному проектированию, получивший название «средового», активно используется не только в пояснительных записках к проектным решениям. Понятия «средового» подхода успели прочно закрепиться в нормативно-правовых документах, регулирующих архитектурную деятельность.

Вместе с тем постепенно контекст словоупотребления «средовых» понятий в проектной практике начал меняться. Все чаще архитекторы обращаются к размышлениям о необходимости использования «средового» подхода в новой проблематике, а именно в поисках средств проектного стимулирования естественной трансформации архитектуры городов с исторически сложившимися структурой и обликом. Новое прочтение продолжающихся «средовых интенций» все более отклоняется от простого воспроизводства устоявшихся исторических форм, в то время как теоретики расходятся во взглядах на суть, применение и истоки «средового» подхода в архитектуре.

Различия в интерпретациях «средового» подхода у разных исследователей начинается с расхождения позиций в отношении к понятию «городской среды». Можно выделить две основные группы понимания.

Первая группа исследователей начинает с интерпретации «городской среды» как инструментального комплекса объяснений позиции архитектора. Они относят «средовой» подход к работе с формой и ассоциируют с «контекстуализмом», считая «средовой» подход глобальной культурной тенденцией и проявлением постмодернизма в отечественной архитектуре. Это понимание приближается к трактовкам Чарльза Дженкса, Елены Броневицкой и Александра Раппопорта. Некоторые отечественные практики из данной группы, например архитектор Н. Лызлов, говорят о кризисе «средового» подхода, объяс-

няя его тем, что прямое следование этому подходу как стилистическому направлению постмодернизма привело к невозможным потерям для городской среды.

Александр Раппопорт [3, с. 97] пытался сформулировать некоторые черты нового подхода к формированию предметно-пространственной среды в архитектурном проектировании. Среди этих черт он выделил роль реконструктивных работ, стремление к сохранению материального и духовного потенциала, уже овеянного в среде, сближение проектирования с потребностями и вкусами потребителя и привлечение потребителей к проектированию, а также отход от функциональных доктрин. В своей работе теоретик архитектуры доказал то, что выделенные им аспекты «средового» подхода к проектированию предметно-пространственной среды сохраняют свое значение и, вероятно, не утратят его в ближайшем будущем.

Интерпретация «средового» подхода в зарубежной практике также далека от единодушия. Часть исследователей считает, что средовой метод в России есть метод контекстуализма на западе. А.А. Зайцев в своей кандидатской диссертации «Контекстуализм как стилистическое течение в архитектуре конца XX – начала XXI вв.» [5, с. 17] пишет, что во второй половине XX века контекстуальный метод получил название «включающего» в зарубежной архитектуре и метод «средового подхода» – в отечественной, став одним из приоритетных методов проектирования в исторической среде. Контекстуализм впервые проявился на Западе в архитектуре постмодернизма 1970-х годов в качестве одного из его стилистических течений, что было впервые определено Ч. Дженксом в его работе «Язык архитектуры постмодернизма» [6, с. 78]. Развитие этого метода можно проследить, начиная с «ансамблевого метода» Эпохи Возрождения.

В рамках данного понимания, вопросы взаимодействия новой архитектуры и окружающей исторической застройки анализируются в работах ряда зарубежных исследователей: в период до XX века архитекторами-теоретиками, такими как Л.Б. Альберти, Ф. Брунелески, М. Витрувий, Дж. Виньола, А. Палладио, а затем и теоретиками XX века: Р. Вентури, Ч. Дженкс, Ф. Джонсон, К. Зитте, Ле Корбюзье, Р. Крие, К. Линч, Ч. Мур, и др.

Разными аспектами данной проблемы занимались отечественные ученые: М.Г. Бархин, И.А. Бондаренко, В.Л. Глазычев, А.В. Иконников, А.И. Каплун, О.И. Пруцын, А.Г. Раппапорт, А.В. Рябушин, В.А. Филин, В.Л. Хайт.

А.В. Рябушин в монографии «Новые горизонты архитектурного творчества 1970 – 1980-е годы» [10] в широкой панораме зарубежной архитектуры посвящает несколько глав известным архитекторам-постмодернистам. В монографии «Архитекторы рубежа тысячелетий» [11] представлен ряд портретов «звездных» архитекторов, в том числе имеющих непосредственное отношение к неоавангардным экспериментам последних трех десятилетий XX века. Своеобразный подход – реконструкция новейших явлений в формообразовании на основе анализа проектных концепций отдельных авторов – представляет большую ценность для понимания происходящих на наших глазах перемен.

В.Л. Хайт – один из первых отечественных специалистов, обративших пристальное внимание на зарождение и развитие постмодернизма. Он рассматривал постмодернистский поворот в широком спектре социальных, политических, культурных проблем и оценивал его как решительное расширение прежних границ допустимого и возможного в архитектуре, как раскрепощение профессионального мышления в сфере формообразования и обогащение палитры современного зодчества.

Вопросами изучения целостности архитектурной среды в советское время занимались коллективы ученых научно-исследовательских институтов ЦНИИТИА (ныне НИИТАГ РААСН), Академии архитектуры (ныне РААСН), а также ряд научных институтов Госгражданстроя, ЦНИИП градостроительства и другие научные центры страны.

Формирование архитектуры контекстуализма на практике можно отследить на примерах творчества всемирно известных зарубежных архитекторов, таких как А. Аалто, Р. Вентури, Ч. Дженкс, Ф. Джонсон, Л. Кан, Р.

Мейер, Ф. Л. Райт, Г. Шарун, Ф. Гери, Ф. Герцог, Дж. Мадзанте, П. де Мерон, Р. Монео, Р. Пиано, М. Хопкинс, Б. Чуми и др.; российских зодчих: А.В. Бокова, Е.Л. Герасимова, Ю.И. Земцова, М.А. Мамошина, А.Д. Меерсона, В.В. Никишина, Е.Н. Пестова, А.Е. Харитонова, А.А. Худина и др.

Вторая группа исследователей считает такое понимание поверхностным и основывает понимание «средового» подхода на том, что среда – это сложный метафизический конгломерат окружения (физического, архитектурного, социального) и сознания человека, который возникает в результате «освоения места». Западные исследования, которые отвечают данным представлениям о «средовом» подходе, работают с хайдеггеровским пониманием чувства места и раскрывают суть понятия «место» в повседневной жизни через феноменологию. Из классиков это такие фигуры как Эдвард Релф, Энн Баттимер, Кантор, Гастон Башляр, Норберт Шульц, Д. Джекобс, ранний К. Линч и К. Александер, Амос Раппорт. Из отечественных теоретиков это Г. Каганов и А. Высоковский.

С этой точки зрения, «средовой» подход является развитием и переосмыслением с современных методологических позиций феноменологического направления в архитектурной теории, фундамент которой был заложен А.Г. Габричевским еще в 1920-х годах.

Комплексная философско-искусствоведческая система А.Г. Габричевского не получила полноценного развития, но предвосхитила и раскрыла ряд тенденций, появившихся значительно позже в трудах западных теоретиков архитектуры: Кр. Норберга-Шульца, К. Александера и пришедших в Россию через интерпретации зарубежных авторов М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти, П. Рикера.

В рамках феноменологического дискурса, основополагающее положение которого – констатация телесности пространственного переживания в качестве изначальной основы зодчества, очевидна необходимость рассмотрения архитектурного объекта как переживаемого человеком в процессе взаимодействия с ним. Такой взгляд обращен к пересмотру традиционного представления об объекте как части бытия, противостоящей человеку в его познании и деятельности, представления об объекте как определяющей человеческую деятельность обстоятельстве. Это представление было основой традиционной функциональной типологии, представленной в работах С.Г. Змеула, Б.А. Маханько, И.Е. Рожина, А.И. Урбаха, В.В. Ада-

мовича, Б.Г. Бархина, Н.Н. Кима и Т.Г. Маклакова, А.А. Миловидова.

Кристофер Александер написал серию работ, посвященных «средовому» подходу («Вечный способ строительства» (Timeless way of building), Язык паттернов (The Pattern Language) «Новая теория градостроительного проектирования». Серия «Природа порядка»). Он противопоставляет свой подход подходу, выработанному в ходе новейшей французской постмодернистской и постструктуралистской философии. Александер создает основные труды в 1980-е годы и открывает оригинальный подход к средовой проблематике и средовому проектированию.

Во многих работах известных теоретиков средовая проблематика обычно рассматривалась в противопоставление стилевой парадигме, как исторически спонтанно сложившейся городской ткани, богатой неожиданными сочетаниями форм и образов, ритмов и схем, значений и смыслов. Александер же видит среду как предмет не столько исторический, сколько принадлежащий к сферам психологии и культуры повседневности, выявляя в ней такие структуры и ситуации, которые он затем сводит к системе «паттернов», функция которой, по Александеру, делать человеческую жизнь «живой». Он настаивает на особой феноменологии этой среды, уклоняющейся от вербальной языковой фиксации (в чем можно видеть параллель с феноменологией, которая развивалась на Западе и проникла в архитектурную теорию вместе с трудами Норберг-Шульца, Генрика Сколимовского, Альберто Перес-Гомеса или Романа Ингардена).

Оригинальность работ Александера делает его работы новыми с точки зрения методологии архитектурно-средовых исследований. У нее есть точки соприкосновения с этнопсихологией среды, которую строил в последние десятилетия А. Высоковский и его коллеги. Наиболее ценным в теории Кристофера Александера ее проектная направленность, так что кажется заманчивым обсуждение того, насколько она реально преодолевает казавшийся непреодолимым разрыв «средового» и проектного подходов. Можно предположить, что «средовой» подход Александера связан с американским опытом, то есть страной, в которой практически нет исторических городов и их живописных сред. Средовой гуманизм Александера не может опереться на историческую ностальгию и вынужден изобретать средства своего обоснования.

Автору статьи ближе понимание средового подхода, о котором говорит Константин Васильевич Кияненко в статье «Социальное видение в современной англо-американской архитектуре». Автор говорит о средовой парадигме и феноменологической парадигме как о самостоятельных и не сводимых друг к другу подходах. Как пишет К. В. Кияненко, каждая архитектурная теория в итоге опирается на совокупность представлений о социальном. В своей работе исследователь говорит о том, что средовая и феноменологическая парадигма воплощают релятивистскую традицию.

Релятивистская традиция опирается на критику позитивизма (К. Поппер, Т. Кун), а также на так называемую «понимающую» (или «интерпретативную») социологию и психологию, «символический интеракционизм», «феноменологию» и «герменевтику» (Г. Башляр, Х.Г. Гадамер, Э. Гуссерль, Ю. Хабермас, М. Хайдеггер, А. Шюц). Здесь попыткам получить безусловное знание, жестко формализованным, крупномасштабным, обезличенным подходам противостоит желание понять конкретную ситуацию конкретного человека, небольшого территориального сообщества, смыслы и значения, вкладываемые ими в происходящее, в социальные взаимоотношения, в среду своего обитания.

В 1950-е годы началась, а в 1980-е завершилась смена господствующих парадигм в социальной составляющей англо-американской архитектурной картины мира. Средовая и феноменологическая парадигмы, вытеснив функционалистскую, заняли место интеллектуального лидерства и основного движителя архитектурного знания, став теми призмами, сквозь которые чаще всего наблюдается и с помощью которых интерпретируется архитектором эмпирическая социальная реальность в наши дни. Это подтверждает список наиболее цитируемых авторов и источников по социальной проблематике, среди которых средовые и феноменологические доминируют абсолютно. В результате перемен не только система социального знания в англо-американской архитектуре, но и теоретическая сфера, и профессия в целом становятся более демократичными, гуманистическими и интеллектуальными.

Средовая парадигма видит в человеке не просто «пользователя», а создателя собственного окружения. Модели пользователя как обитателя и создателя среды здесь сливаются. Обладающие средовым видением архитекторы полагают, что потребность в той

или иной среде не существует заведомо, а производится в ходе ее создания. Роль архитектора лучше всего передается английским словом «enabler» – создатель возможностей. Истоки средовой парадигмы в целом можно обнаружить в дискуссиях, бушевавших на последних (девятом и десятом) конгрессах CIAM между идеологами модернизма и членами Команды X (Team X), в массовой неудовлетворенности общества первыми масштабными воплощениями функционалистских идей в индустриальном жилище и при послевоенной реконструкции европейских городов, в борьбе местных сообществ против схем «расчистки трущоб». Через средовую парадигму на западе происходит проникновение в архитектуру и объединение с социальной проблематикой всей глобальности экологической темы, концепций «устойчивости», «устойчивой архитектуры, города и жилища», «экопоселений» и «экодеревень» К. Александер, П. Калторп, Р. Гудман, Н. Хамди, П. Кац, Г. Санюфф, В. Скалли, Дж. Тернер, Н. Вэйтс, К. Ворд.

Феноменологическая парадигма, как и средовая, зародилась и развивалась в противодействии идеям функционализма и в стремлении утвердить в архитектуре гуманистические ценности. Она с равным недоверием относится как к научным абстракциям, так и к «лежащей на поверхности», пусть индивидуализированной, социальной информации (например, формулируемым человеком «потребностям» или наблюдаемому «реальному поведению»).

Феноменологический подход стремится проникнуть сквозь толщу условностей и защитных психологических механизмов, окутывающих внутренний мир человека, к феноменам его сознания, где факты эмпирической реальности становятся содержанием индивидуального «жизненного мира». Феноменология обогащает архитектурную культуру инструментами понимания социальной реальности, в числе которых – «ментальные карты» Кевина Линча, метод «семантического дифференциала», «включенное наблюдение», исследование «жизненных историй» и другие приемы «качественной социологии». По существу, феноменологическими являются концепции «места», «делания мест (place making)», «духа места», «духа времени», «подлинности (аутентичности)», «отождествления (идентификации)» и некоторые другие – К. Фрэмpton, К. Линч, К. Норберг - Шульц, Ю. Палласмаа.

Сравнивая отечественные и зарубежные подходы, К. Кияненко пишет о том, что социально-функциональная архитектурная теория и идеология все еще прочно владеет умами многих практиков, теоретиков и педагогов российской архитектурной школы («функциональная методика проектирования», принципы «функционального зонирования», эргономические и антропометрические процедуры по-прежнему широко практикуются, несмотря на все коллизии последних десятилетий, кажется, уничтоживших питательную среду «функционализма».

К идеям «архитектуры социального взаимодействия» в российской архитектуре и интереса меньше и носит он преимущественно академический характер.

Современные корни «архитектуры социального взаимодействия» пока находятся вне поля зрения отечественной архитектуры. «Консьюмеризм», напротив, привлекает большое внимание, переплетаясь на отечественной почве с «функционализмом», порождая время от времени архитектурные решения очень специфического качества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, средовая парадигма, развиваемая усилиями сравнительно немногочисленных российских подвижников, и по своей мощи, освоенности профессией и влиятельности сильно уступает западной. Это же наблюдение справедливо в отношении феноменологических исследований. В российской теории феноменологический подход только начал обособляться от «средового» подхода и не оказывает заметного влияния на профессиональное сознание.

Основная же особенность современной российской ситуации заключается в том, что она продолжает развиваться вслед западной. Ключевые социальные и философские идеи, осваиваемые и развиваемые современной российской архитектурой, все так же базируются на трудах теоретиков архитектуры Запада (от Э. Говарда и К. Перри – до К. Александера, К. Линча, К. Норберга – Шульца).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рябушин А. Творческие поиски и тенденции 70-80-х годов. Попытка анализа / А. Рябушин // Архитектура СССР. – 1984. – № 5. – С.31-36.
2. Иконников А. Семь десятилетий советской архитектуры / А. Иконников // L'Arca, 1989. – P.18-20.
3. Раппопорт А.Г. Средовой подход и идеология проектирования / А.Г. Раппопорт / Психология и

архитектура / Тезисы конференции, Ч.1. – Таллин, 1983. – С. 96-98.

4. Минервин Г.Б. Основные задачи и принципы художественного проектирования. Дизайн архитектурной среды: учеб. пособ. для вузов / Г.Б. Минервин. – М.: Архитектура-С, 2004. – 93 с.

5. Зайцев А.А. Контекстуализм как стилистическое течение в архитектуре конца XX - начала XXI вв / А. А. Зайцев. – Н.Новгород, 2013. – 220 с.

6. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / Ч. Дженкс. - М., 1985. – С. 159.

7. Кияненко К. Социальное видение в современной англо-американской архитектуре / К. Кияненко // Архитектурный вестник, 2004.

8. Jencks Ch., Chaitkin W. Architecture today / Ch. Jencks, W. Chaitkin. – N. Y., 1982.

9. Towards an Ecological Approach to Sign Processes // Sign Processes in Complex Systems. 7-th International Congress of the International Association for Semiotic Studies (IASS/AIS). -TU Dresden, 1999.

10. Рябушин А.В. Новые горизонты архитектурно-творчества 1970-1980-е годы / А.В. Рябушин. – М.: Стройиздат, 1990. – 326 с.

11. Рябушин А.В. Архитекторы рубежа тысячелетий / А.В. Рябушин. – М.: Академия, 2005. – 287 с.

Багрова Н.В. – д.культурологии, доцент, E-mail: prorektor@ngaha.ru; **Кущенко М.А.** – магистрант, E-mail: kushchenkova@gmail.com, Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия.

УДК 69.07

ВЫБОР РАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСТРУКТИВНОЙ ФОРМЫ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ФЕРМ ИЗ ТИПОВЫХ СЕРИЙ

А.В. Барышников

В данной статье рассматривается применение программного комплекса PCMS на примере выбора рациональной конструктивной формы металлоконструкций ферм на примере склада.

Ключевые слова: металлические конструкции, программный комплекс, конструктивная форма.

В период 1970-1980 гг. значительно возросли индустриальный уровень объем изготовления металлических конструкций [1]. Возникла необходимость сокращения сроков строительства, что привело к созданию типовых решений и укрупненных строительных деталей, требующих минимальных затрат труда и времени на строительной площадке. Однако жесткая унификация имеет недостатки: низкое качество архитектурно-эстетических решений; увеличение расходов при изготовлении конструкций и при их эксплуатации. При реализации типовых решений их экономичности с учетом эксплуатационных затрат уделялось недостаточно внимания.

Решающими среди технико-экономических показателей являются минимальная масса и минимальная стоимость. Снижение массы возможно за счет изменения конструктивного решения, или увеличения прочности стали. Однако одно только снижение массы конструкции в большинстве случаев еще не является достаточным стимулом для применения более прочной стали. Другое непременное условие - получение экономического эффекта. Экономический эффект чаще всего

рассматривается проектировщиками только на момент строительства, а период эксплуатации упускается, что обусловлено сложностью и большой трудоемкостью расчетов. Опыт показывает, что эксплуатационные затраты оказывают решающее значение при выборе рациональной конструктивной формы.

Анализ затрат на строительство и содержание зданий и сооружений необходимо проводить с учетом ремонтных и восстановительных работ, а так же с учетом антикоррозионной защиты и, при необходимости, огнезащиты. Учет затрат на текущий ремонт и косвенные потери от простоя производственных процессов, также должны учитываться. Проведение этого анализа позволит на стадии проектирования получить полную стоимость, в том числе, и с учетом затрат на содержание здания. В качестве инструмента для определения рациональной конструктивной формы металлоконструкций с учетом эксплуатационных затрат, разрабатывается универсальный программный продукт, в котором учитываются все факторы, влияющие на стоимость металлоконструкций [2]. Реша-